

Каримова Р.Ш., Халилов М.Ш.

Заимствованная лексика в хваршинском языке.

Под ред. Б. Комри. —

Махачкала: АЛЕФ, 2013. — 335 с.

Книга посвящена исследованию лексики хваршинского языка, усвоенной вследствие многовековых контактов с языками разных систем близких и не столь близких соседей, что представляет несомненный интерес в связи с проблемой выживания языка одного из малочисленных андо-цезских этносов Дагестана в условиях интенсивного внешнего влияния. В связи с этим важным фактором является свидетельство авторов о том, что хваршинцы, в основном, трехязычны и владеют, помимо родного языка, аварским и русским. Это вынуждает нас более внимательно отнестись к показателям численности хваршинцев, приводимым в книге: «По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. хваршинцы составляют 128 человек, а по последней переписи (2010 г.) — 527 человек. По нашим оценочным данным и по данным сельских администраций на 2012 г., число хваршинцев достигает более 8500 человек; из них в горах в Цумадинском районе проживает более 1500 человек (Верхнее Инхоквари — 140, Нижнее Инхоквари — 330, Квантлада — 100, Сантлада — 270, Хонох — 360, Хвайни — 110, Хварши — 220), а на равнинной части Дагестана — более 7000 чел.» (с. 9). Разительное несоответствие данных переписей и оценок, воспринимаемое авторами как само собой разумеющееся, требует хотя бы минимального комментария.

В 1995 г., когда возможность предоставления права андо-цезским народом самим определять свой этнический статус только дискутировалась, мы высказали [Алексеев 1995] опасения

об отсутствии объективности подобных опросов у различных этнических групп, поскольку у населения сложилось двойственное отношение к определению своей национальности и к языку, обусловленное целым рядом факторов:

— социально-экономические факторы: многие видят возможность улучшения условий жизни в отделении от более мощных соседей и освобождение таким образом от экспансии. Заметим также, что названным выше законопроектом предусматриваются определенные финансово-экономические льготы для малочисленных народов;

— социально-политические факторы: тенденции к «сепаратизму» встречают негативное отношение как со стороны макроэтноса, поскольку дробление нации приводит к ее ослаблению, так и со стороны властей, не желающих возникновения возможных новых межнациональных проблем. Это не может не сказываться на формировании «сдерживающего фактора» в пределах малой этнической группы, не желающей конфликтовать с более мощными соседями;

— культурно-образовательные факторы: самостоятельный этнический статус поможет решить вопросы образования на родном языке, в частности введение письменности; этот фактор, впрочем, акцентируется только представителями интеллигенции;

— степень внутренней и внешней интеграции: с одной стороны, неформальные и родственные связи с представителями макроэтноса увеличивают стремление к единению, с другой стороны, наличие локальных групп внутри малого этноса иногда может препятствовать их объединению на основе одной из них: роль этого фактора усиливается в случае совпадения названия малого этноса и одной из локальных групп. Кроме того, проживание вне пределов своей этнической группы приводит к желанию отдельных ее представителей идентифицировать себя как представителя именно этой группы;

— субъективные факторы: наличие формальных и неформальных лидеров, поддерживающих ту или иную точку

зрения может существенно повлиять на поддержку соответствующего решения большинством населения.

Эти опасения оказались ненапрасными, что видно уже из цифр, приведенных выше. По результатам переписей к сходной мотивировке обратились как лингвисты, так и этнологи.

Анализируя итоги переписи 2002 г., В.А. Тишков и Э.Ф. Кисриев [2005: 285], усматривают причины их недостоверности в невозможности двойной самоидентификации (например, «хваршинец» и «аварец»): «Если бы с самого начала признавалась двойная идентичность по “большой” и “малой” общности, к которым относят себя многие дагестанцы, то можно было бы получить достоверные данные об этнокультурных идентификациях среди дагестанского народа».

Окололингвистическую подоплеку подобных нестыковок уже после переписи 2010 г. пытается вскрыть Б.М. Атаев [2012: 7]: «Если информатор владеет двумя языками, причем один является государственным и считается более престижным, а другой — менее престижным, он может признать, что говорит лишь на первом, престижном языке, хотя его родным языком является второй — менее престижный, чтобы “завоевать” симпатию элитного государственного языка».

Судя по хваршинским данным, наметилась тенденция приближения показателей переписи к экспертным оценкам, что, на наш взгляд, свидетельствует здесь о постепенном снижении удельного веса политического компонента, так что в дальнейшем можно надеяться получить более объективные результаты.

Обратимся к содержанию рецензируемой книги. В целом к иноязычной хваршинской лексике авторы относят слова, усвоенные из восточных (арабского, иранских, тюркских), аварского, андийских (багвалинского, тиндинского, чамалинского), грузинского, русского и чеченского языков, что предопределило структуру работы, подразделяемой на главы в соответствии с источником заимствования.

В первой главе дается общая характеристика заимствованной лексики хваршинского языка. По словам авторов, «в заимствованном пласте лексики хваршинского языка, на наш взгляд, наибольший интерес представляют аварский и андийский пласты лексики, так как они возникли на уровне внутригрупповых контактов. Вместе с тем представляется важным в одном исследовании охватить и осветить лексические заимствования из восьми родственных и неродственных языков, хотя лексика иносистемных языков, довольно активно проникающая в контактирующие языки (например, ориентализмы), неплохо изучена в дагестановедении» (с. 23–24). Соответственно, заимствованиям из аварского языка, которым посвящена вторая глава, уделено наибольшее внимание. Причину такого внимания мы видим не только в степени их изученности или же в их количественном преобладании. Изучение этой группы заимствований поднимает весьма существенный вопрос разграничения генетически общей и контактной лексики в родственных языках. В «Этимологическом словаре северокавказских языков» [Nikolayev, Starostin 1994] представлено около 470 собственно хваршинских и 530 инхокваринских лексем восточнокавказского происхождения. Критерий отбора здесь был один — установление строгих фонетических корреспонденций.

Авторы при установлении заимствования опираются на следующие критерии:

1. Оформление аварских слов в соответствии с фонетической системой хваршинского языка (как представляется, любое хваршинское слово оформляется в соответствии с фонетической системой хваршинского языка).

2. Выявление морфологической структуры слова.

3. Наличие в большинстве аварских лексических заимствований аварских словообразовательных аффиксов.

4. Некоторые наречия на *-го* сохранили свою исходную аварскую форму в хваршинском языке, и посредством данного

аффикса новые наречия в хваршинском языке не образуются (это очевидный частный случай п. 3).

5. Семантическое сужение.

6. «Вместе с отдельными исконно хваршинскими эквивалентами параллельно активно употребляются и аваризмы» (здесь, по-видимому, авторы имели в виду наличие у заимствований исконных дублетов).

Как видим, данный вопрос в монографии до конца не проработан, что, кстати, можно сказать и о монографии Р.Ш. Халидовой [2006], на которую ссылаются авторы.

Большую часть второй главы составляет лексико-тематическая классификация усвоенной аварской лексики в хваршинском языке, которая включает следующие тематические группы и подгруппы:

I. ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

1. Общественно-политическая терминология: а) административно-юридические термины; б) религиозные термины; в) социальные термины; г) термины просвещения, науки и искусства; д) термины войны и мира; е) названия этнонимов (стр. 40 — аналогичная «морда лица» встречается в книге неоднократно, в т. ч. и в сочетании «названия терминов сельского хозяйства», с. 169).

2. Лексика, связанная с человеком: а) названия, связанные с профессией, занятием и должностью; б) термины родства и свойства; в) названия людей с положительными качествами; г) названия людей с отрицательными качествами; д) названия, характеризующие душевное состояние человека; е) названия, характеризующие физическое состояние и здоровье человека; ж) названия, характеризующие красоту человеческой и окружающей природы; з) названия, характеризующие отрицательные качества людей; и) названия, характеризующие человеческое чувство и состояние; й) названия, характеризующие материальное состояние человека.

3. Соматические термины: а) названия конечностей; б) названия, характеризующие поверхность тела; в) названия мягких субстанций и выделений.

4. Названия домашних животных: а) названия мелкого рогатого скота; б) названия, связанные с лошастью и ослом; в) названия прочих домашних животных.

5. Названия диких животных: а) названия зверей; б) названия птиц; в) названия насекомых и пресмыкающихся.

6. Растительный мир природы: а) названия деревьев и кустарников; б) названия трав; в) названия плодов и овощей; г) названия злаков.

7. Названия пищи и напитков.

8. Названия одежды, обуви и украшений.

9. Средства материальной деятельности: а) названия орудий, инструментов и вспомогательных материалов; б) названия оружия и охотничьих принадлежностей; в) названия ноши, средств передвижения и снаряжений для лошади; г) названия металлов и топлива.

10. Названия предметов домашнего обихода.

11. Жилище и хозяйственные постройки: а) названия, связанные с селением и домом; б) названия хозяйственных построек; в) названия полей.

12. Объекты на земле: а) названия географических и астрономических объектов; б) названия водных объектов.

13. Субстанции неживой природы: а) названия, связанные с землей и камнями; б) названия воды и ее производные; в) названия, связанные с огнем, светом, ветром.

14. Абстрактные и другие понятия.

II. ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ:

а) общество; б) религия; в) природа; г) богатство и бедность; д) красота; е) молодость и сила; ё) характеристика людей и животных; ж) положительные черты

характера; з) отрицательные черты характера; и) вес; й) вкус; к) возраст; л) форма; м) *varia*.

III. МЕСТОИМЕНΙΑ.

IV. ГЛАГОЛЫ:

а) бытие и наличие; б) обладание; в) движение; г) физические и телесные состояния; д) физические изменения, воздействия; е) трудовая деятельность и быт; ё) речь и звукопроизводство; ж) физиологические процессы, состояния; з) восприятие, эмоции; и) интеллектуальная деятельность; й) модальность, фазисность.

V. НАРЕЧИЯ:

а) наречия образа действия; б) наречия количества; в) наречия времени; г) наречия места.

VI. СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ (ПОСЛЕЛОГИ, СОЮЗЫ) И МЕЖДОМЕТЯ.

В целом подобная классификация, на наш взгляд, представляет собой здесь лишь некоторый способ подачи материала, хотя можно отметить и определенные закономерности, касающиеся состава тех или иных выделяемых групп (особенно при сравнении соответствующих разделов из разных глав).

Раздел «Фонетическое освоение» включает характеристику фонетических процессов как в области гласных (чередование/субституция гласных в корне или в слове, наращение гласных в ауслaute слова, выпадение инлаутных гласных в основе, усечение ауслautных гласных в основе), так и согласных (чередование согласных в корне слова, переход спирантов в смычные, спирантизация, вставка согласных в анлауте и инлауте слова, выпадение согласных в анлауте, инлауте и ауслaute слова, дегеминация, ассимиляция, метатеза). Факты морфологического освоения в книге рассмотрены довольно поверхностно. Особенности именного и глагольного словоизменения в заимствованном фонде по существу остались невыявленными. Так, например, практически не показано, в какие грамматические именные классы хваршинского языка попадает аварская лексика III класса.

К фактам лексико-семантического освоения отнесены примеры суффиксального словообразования, а также семантические изменения, в т. ч. расширение, сужение (примерно в шестидесяти процентах аварских заимствований) и изменение значения слова.

Этой же схемы описания придерживаются авторы при характеристике лексических заимствований из языков андийской подгруппы (третья глава).

После административных реформ 1860-х годов хваршинцы вошли в состав Тиндальского наибства Андийского округа и до настоящего времени живут в соседстве с андийскими народностями, особенно с багвалинцами, тиндинцами и чамалинцами.

При выделении заимствований (в отличие от генетически общей лексики) авторы руководствовались следующими критериями, в целом повторяющими принципы выделения аваризмов:

1. Оформление андийских слов в соответствии с фонетическими или морфологическими системами хваршинского языка.

2. Морфологическая структура слова. Если в языках андийской подгруппы слово представляет собой определенное морфологическое образование и членится на морфемы, а в хваршинском языке оно воспринимается как цельная единица, то данная лексема, естественно, является андоязычной по происхождению.

3. Семантическое сужение или выделение исходного и производного значения слов.

4. Отдельным усвоенным словам из андийских языков в хваршинском в одном из диалектов (чаще всего в собственно хваршинском) соответствует исконный эквивалент.

В словарном фонде хваршинского языка авторами выделено более ста пятидесяти заимствований из языков андийской подгруппы (из них более 90 субстантивных слов, имена прилагательные и числительные по 6, глаголы — 30, наречия — 8,

частица — одна и междометия — 9). Отдельные андийские усвоенные слова употребляются параллельно с исконными хваршинскими лексемами, образуя при этом синонимические и антонимические ряды.

Далее предлагается лексико-тематическая классификация андийских лексических заимствований, включающая: 1) термины образования и искусства, 2) лексику, связанную с человеком; 3) соматические термины; 4) названия домашних животных; 5) названия диких животных и птиц и др.

Как отмечается в книге, языковые контакты хваршинского языка с андийскими не были односторонними. Отдельные хваршинские лексические элементы, шире — общецезского происхождения, проникли и в некоторые андийские языки, в частности в тиндинский язык, хотя их число незначительно.

На фонетическое усвоение андийских заимствований оказывают влияние такие факторы, как отсутствие геминированных, среднеязычного *хь* (в некоторых говорах), латералов *ллI, кьI*. Далее рассматривается морфологическое и лексико-семантическое освоение.

В четвертой главе рассмотрены лексические заимствования из нахских языков, контакты с которыми отличают хваршинский от других цезских языков, хотя эти связи не были столь активными, как, например, контакты некоторых приграничных андийских языков (более интенсивными они были в XIX–XX столетиях). Нахские лексические элементы в хваршинском распределены авторами на

а) слова, восходящие к общенахской языковой основе (не совсем ясно, с какой целью выделена эта группа, поскольку хронологически хваршинский язык не совместим с общенахским периодом);

б) слова, заимствованные из чеченского языка;

в) слова, заимствованные из ингушского языка;

г) слова, заимствованные из бацбийского (цова-тушинского) языка (здесь сомнения вызывает уже территориальный фактор).

При этом выделяется группа лексем, усвоенная из нахских языков через посредство андийских языков (андийский, годоберинский, тиндинский и чамалинский).

Лексико-тематическая классификация усвоенной нахской лексики включает:

1. Наименования географических понятий и различных природных явлений.
2. Обозначения домашних животных, насекомых и их детенышей.
3. Термины сельского хозяйства, травянистых и злаковых растений.
4. Обозначения продуктов питания и напитков.
5. Наименования различных хозяйственных построек и т. п.

Примеры фонетического освоения отражают наращение гласного в конце слова, субституцию (чередование) гласных в корне, вставку гласного в консонантных комплексах (протеза), выпадение согласного в анлауте и др.

Пятая глава посвящена лексическим заимствованиям из грузинского языка. Грузинско-хваршинские связи, по мнению авторов, происходили, в основном, путем маргинального контактирования на уровне приграничных с Дагестаном диалектов грузинского языка — в первую очередь, с кахетинским. Эти контакты существовали примерно до 30–40-х годов XX столетия. Авторы выделяют следующие тематические группы грузинских заимствований:

1. Слова, связанные с играми и военным делом.
2. Названия цветов, травянистых растений и диких ягод.
3. Названия продуктов питания и напитков.
4. Названия орудий труда, инструментов и их частей.
5. Названия предметов домашнего обихода, хозяйственных принадлежностей и т. д.

Особое внимание авторов привлекают грузинские слова, заимствованные через посредство нахских языков, ср.: квантл. *мангал* 'большая коса' < инг. *мангал*, цова-туш. *намгал* 'коса, серп' < груз. *намгали* 'серп' и др.

Лексические заимствования из восточных языков, анализируемые в шестой главе, подразделяются на арабизмы, иранизмы и тюркизмы. При этом ориентализмы в хваршинский язык проникли в основном через посредство аварского языка, хотя определенная часть слов арабского происхождения, возможно, усвоена из языка-источника.

Авторами выявлено более 300 слов арабского происхождения, а также значительный фонд антропонимов. Хотя проникновение арабизмов в советский период значительно ослабло, в связи с повышением роли мусульманской религии в современный период влияние арабского языка и его лексики значительно увеличилось.

Вошедшие из арабского языка субстантивы обнаруживают широкое семантическое разнообразие, которое распределяется в книге по следующим тематическим группам:

1. Религиозные понятия.
2. Абстрактная лексика.
3. Морально-этические понятия.
4. Общественно-экономические термины.
5. Лексика искусства, науки и образования и др.

Иранизмы проникали в дагестанские языки устным путем и в значительной степени через посредство тюркских языков, что подтверждается их фонетическим обликом. В отличие от некоторых других дагестанских языков в хваршинском языке иранизмов сравнительно мало. Заимствованная лексика из персидского языка включает в себя здесь около 150 лексических единиц. К хваршинским иранизмам относятся названия предметов быта, некоторые названия тканей и ряда других изделий, обозначения растительного и животного мира и т. д.

Хваршинцы не имели прямых контактов с тюркоязычными народами. Тюркизмы проникали в хваршинский язык через языки-посредники — аварский (основное число заимствований) и чеченский (незначительное количество). В отличие от аваризмов, арабизмов и русизмов, насчитывающих в хваршинском

языке значительное количество, тюркизмы занимают в нем скромное место (примерно около шестидесяти лексем).

С точки зрения дифференциации их по частям речи тюркизмы в хваршинском языке — это в основном имена существительные, распределяемые по следующим лексико-тематическим группам:

1. Названия одежды, предметов домашнего обихода.
2. Названия животных и птиц.
3. Названия, связанные с человеком и его деятельностью.
4. Военные термины.
5. Наименования отвлеченных понятий и др.

Вся заимствованная восточная лексика в хваршинском языке подверглась фонетической адаптации. В области вокализма при освоении арабских, персидских и тюркских лексических элементов встречаются следующие фонетические процессы: субституция (чередование) гласных в корне, усечение ауслатных гласных в слове (апокопа), выпадение инлаутных гласных (синкопа), вставки гласных в инлаутных и ауслатных консонантных комплексах, наращение.

Седьмая глава содержит анализ лексических заимствований из русского языка. «Основным фактором, способствовавшим проникновению лексических элементов русского языка в хваршинский, как и в другие языки Дагестана, — отмечают авторы, — являются экономические, политические и культурные связи, установившиеся между русскими и дагестанцами с XIX столетия после присоединения Дагестана к России» (с. 248).

В словарном фонде хваршинского языка представлено более 500 русизмов, обнаруживающих самое широкое семантическое разнообразие. Ср. следующие лексико-тематические группы:

1. Общественно-политическая лексика: *агитатор*, *закуп* 'закон', *дагавур* 'договор', *депутат*, *партия* 'партия', *дума*, *засидани* 'заседание' и др.

2. Лексика, связанная с культурой и просвещением: *академик*, *алфавит* 'алфавит', *артист* 'артист', *артистка* 'актриса', *библиотека* 'библиотека', *буквар* 'букварь', *калас* 'класс', *кансирт* 'концерт', *контур* 'контора', *кино*, *кулуб* 'клуб', *казийат* 'газета' и т. д.

3. Лексика, связанная с промышленностью и торговлей: *автомат* 'автомат', *артел* 'артель', *бухгалтир* 'бухгалтер', *завод*, *инжинир* 'инженер' и др.

4. Сельскохозяйственные термины: *агарод* 'огород', *агроном* 'агроном', *бригадир* 'бригадир', *гиктар* 'гектар', *извено* 'звено', *калхуз* 'колхоз', *камбайни* 'комбайн', *комбайнер* 'комбайнер', *малакавоз* 'молоковоз', *полон* 'план', *памидур* 'помидор', *пирсидатил* 'председатель', *савхуз* 'совхоз', *сейалка* 'сеялка', *тарахтур* 'трактор', *тарахтурис* 'тракторист', *удабрени* 'удобрение' и др.

5. Лексика, связанная с официальными документами и наградами: *анкета*, *архив*, *булутин* 'бюллетень', *брашура* 'брошюра', *грамота*, *квивитанци* 'квитанция', *мидал* 'медаль', *изначук* 'значок', *награда*, *указ*, *орден*, *потпис* 'подпись', *пастанавлени* 'постановление', *пирказ* 'приказ', *премия* 'премия' и др.

6. Юридические термины: *адвокат* 'адвокат', *агинт* 'агент', *засидатил* 'заседатель', *иследоватил* 'следователь', *истатйа* 'статья', *канвой* 'конвой', *карцир* 'карцер', *милици* 'милиция', *милиционер* 'милиционер', *паракурор* 'прокурор', *пиристав* 'пристав', *суд*, *судийа* 'судья', *турма* 'тюрьма' и др.

7. Военные термины: *автомат* 'автомат', *атрияд* 'отряд', *акуп* 'окоп', *баталйон* 'батальон', *бомба*, *заложник*, *граната*, *инирал* 'генерал', *командир* 'командир', *капитан*, *мина*, *полковник* 'полковник', *полк*, *ракета*, *партизан*, *патурма* 'патрон', *пилимут* 'пулемет', *солдат* 'солдат', *танка* 'танк' и др.

8. Медицинские термины: *алергийа* 'аллергия', *акушерка*, *ангена* 'ангина', *оптика* 'аптека', *балинца* 'больница', *бинт* и др.

9. Лексика, относящаяся к транспорту, связи и техническим средствам: *автобус* 'автобус', *автостанци* 'автостанция', *асвалт* 'асфальт', *аэропорт* 'аэропорт', *багаж* и др.

10. Названия предметов быта, домашнего обихода, утвари, обуви, одежды, тканей: *валинкаба* 'валенки', *вешалка*, *винтилятор* 'вентилятор', *галипа* 'галифе', *диван*, *косинка* 'косынка', *ишкар* 'шкаф', *йупка* 'юбка', *кастум* 'костюм' и т. д.

11. Обозначения продуктов питания и напитков: *банка*, *батон*, *булка*, *борш* 'борщ', *буханка*, *варени* 'варенье', *ирис*, *какао*, *кампит* 'конфета' и т. д.

12. Спортивные термины: *ачго* 'очко', *баскидбол* 'баскетбол', *валибол* 'волейбол', *варотаба* 'ворота', *гол*, *лото* 'лото', *мастер*, *путьбол* 'футбол', *спарзал* 'спортзал', *сетка*, *судйа* 'судья', *тренер*, *чемпион*, *шашкаба* 'шашки', *шахматба* 'шахматы', *тенис* 'теннис' и др.

13. Названия месяцев и дней недели: *йанвар* 'январь', *неврал* 'февраль', *март*, *април* 'апрель', *май*, *ийун* 'июнь', *ийул* 'июль', *синтабир* 'сентябрь', *актиабир* 'октябрь', *торник* 'вторник', *среда* 'среда', *четверг*, *пятница* 'пятница', *субота* 'суббота', *васкрисени* 'воскресенье'.

14. Этнические и топонимические термины;

15. Антропонимика: *Алберт* 'Альберт', *Арсен*, *Анжела*, *Индира*, *Лариса*, *Лейла*, *Марина*, *Феликс*, *Роберт*, *Элмира* 'Эльмира', *Элдар* 'Эльдар' и др.

В целом, нельзя не признать, что с выходом этой книги (а также вышедшей недавно хваршинской грамматикой [Khalilova 2009]) стирается одно из последних белых пятен на лингвистической карте Дагестана.

Литература

Алексеев М.Е. Факторы этноязыковой идентификации (на материале андо-цезских языков) // Этническое и языковое самосознание. Материалы конференции. Москва, 13–15 дек. 1995. Москва, 1995. С. 7–8.

Атаев Б.М. Миноритарные языки Дагестана: Состояние и перспективы. Махачкала, 2012.

Тишков В.А., Кисриев Э.Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Многоэтнические сообщества в условиях трансформаций: Опыт Дагестана. Москва, 2005. С. 255–287.

Халидова Р.Ш. Аварско-андийские языковые контакты. Махачкала, 2006.

Khalilova Z. A grammar of Khwarshi. Leiden, 2009.

Nikolayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow, 1994.

Алексеев М.Е.

Алексеев Михаил Егорович
Институт языкознания РАН
mealexeev@mail.ru